

□□□□ В эссе поднимаются вопросы нравственных взаимоотношений в эскадрильи среди военных пилотов, показана сложность всесторонней подготовки к вылету и выполнение полёта лётчиком-истребителем, ведущим группы, полнота ответственности за принимаемые решения и допущенные ошибки, которые бывают счастливыми, а, бывает, исправлению не подлежат...

□□□□ Эту памятную историю я рассказываю впервые во всех подробностях так, чтобы все ощутили, как говорится, «кровь событий», а молодые авиаторы, мои читатели, могли извлечь для себя какие-то уроки. Предупреждаю сразу: развязка к концу повествования будет потрясающей воображение любого военного лётчика!

□□□□ Ну так, слушайте!

Юрий Фёдоров

СЧАСТЬЕ ВДРУГ. РАЗГРОМНОЕ ЛТУ

Сч

астье вдруг в тишине

Постучало в двери.

Неужель ты ко мне,

Верю и не верю... Леонид ДЕРБЕНЁВ, «Разговор со счастьем»

После окончания лётного училища я был направлен для дальнейшего прохождения службы в один из строевых полков иба. По ходу рассказа вы поймёте, почему я не называю ни аэродрома, ни места службы. И уже летом следующего года мне было присвоена квалификация «Военный лётчик 3го класса». То есть, я был подготовлен к боевым действиям одиночно и парой, составом эскадрильи днём в простых метеоусловиях. Начал готовиться к боевым действиям днём в СМУ, ночью в ПМУ... Другими словами, на 2й класс!

Полк, в котором я начинал летать, был своеобразным. Практически все лётчики не

имели высшего образования, были, как шутили они же сами, «чапаевцами». («Мы академиев не кончали!») И чем дальше от Москвы, тем таких полков тогда было много. В то время политическая обстановка была сложной, америкосы окружали нас со всех сторон военными базами (впрочем, это сейчас и не изменилось), выбирая момент, чтобы нанести удар в удобное время и навсегда ликвидировать Россию, и не шли ни на какие с нами договоренности по ослаблению напряжённости! А в ВВС (после хрущёвских «реформ») ещё ощущалась нехватка военных лётчиков вот и набирали пилотов из ДОСААФ: парни сдавали экстерном курс за среднее военное училище, получали диплом «лётчик-техник» об окончании среднего военного учебного заведения и нагрудный знак «бычий глаз» (а не ромбик). И вперёд! Кто ещё был с высшим образованием в полку? Да раз, два и обчёлся! Можно было посчитать по пальцам на одной ноге! Заместитель командира полка подполковник Смородин (кажется, черниговец), окончивший к тому же ещё и Мониинскую академию, зам. по лётной майор Романов (качинец), учившийся заочно в ВВА им. Гагарина, комэск 2й подполковник Трофимов (Чернигов и после академии, затем ушёл инспектором ВА), замполит 2й аэ Махнёв (после Качи), командир звена во 2й авиаэскадрилье капитан Фетцов (выпуск Ейского лётного). Ну и мы, четыре лейтенанта, прибывшие с дипломами «лётчик-инженер» из Харьковского ВВАУЛ в 3ю аэ! Остальные – все после УТАПа: командир полка, начальник политотдела, начальники служб, комэски, замкомэски, командиры звеньев и лётчики!

Через полгода (точнее – через семь месяцев) после прибытия в полк я был назначен командиром звена во 2ю аэ. Столь стремительному взлёту по служебной лестнице я был обязан моему родному училищу, в котором преподаватели привили мне любовь к Тактике ВВС, Вооружённым силам иностранных государств, авиатехнике, аэродинамике, другим авиадисциплинам, моим лётчикам-инструкторам, научившим хорошо летать, курсовым командирам, сделавшим из меня офицера-профессионала и, наверное, всё же моей Мечте, которая путеводной звездой меня вела через все трудности.

Летать мне нравилось. Тем более, на боевое применение на полигоне! А в строевом полку основное занятие – это полёты на самосовершенствование в технике пилотирования и боевом применении и проведение лётно-тактических учений! То плановые полковые, то дивизия устраивает проверку, а то и из Воздушной армии нагрянут! И все смотрят, как мы работаем на полигоне.

И вот в один из дней готовимся к очередному ЛТУ. Задача поставлена такая: каждой эскадрилье уничтожить свою цель бомбометанием с горполёта с высоты 300 метров, а затем парами из пушек по автобронетехнике. Нашей аэ цель назначили – батарею американского ЗРК «Хок» и колону списанных танков. В первом вылете задачу выполняем звеньями и вся ответственность на мне, молодом командире звена. В этом случае ведомые только сохраняют боевые порядки и бомбят по команде ведущего! Попадём в цель – никто за это даже спасибо не скажет («Такова ваша работа!», «Это ваша обязанность!») Если промахнусь... М-да, если на ЛТУ (или по зачётному упражнению) промахнусь или цель будет поражена не с первого захода – мало не покажется: да на полковом разборе с тебя три шкуры снимут и в личное дело подошьют! («Зазнался!», «Как вы можете готовить лётчиков, если сам бомбить и стрелять не умеете!»)

Значит, к делу надо относиться со всей ответственностью! И не только самому тщательно готовиться к полётам, но и готовить к полётам своих подчинённых!

Это ж только в дебильном фильме у Л. Быкова лётчики после боевого вылета,

вместо того, чтобы разобрать бой (свои ошибки и действия противника) за варениками могут выяснять отношения, спорить и ссориться на тему: где у кого в республике воздух чище, а деревья зеленее! И этот спор затевает не кто иной, как комэска, замастерившийся Герой Сов. Союза Титаренко! **Придурок!!** А потом удивляются количеству потерь! («Давайте пригласим самый лучший оркестр, чтобы помянуть!»)

Да ты же сам их убил, козЕл!!

Вместо того, чтобы заниматься художественной самодеятельностью «ля-ля-ля», надо было лейтенантов сажать за учебник Тактики, да ВВС-совские сборники анализа приёмов действий вражеских истребителей, опыта наших лучших асов, сам расскажи, как атакуешь мессеры да фоккеры, как их атаки срываешь, как уходишь от огня врага, как не даёшь ему уйти от своих пушек; отрабатывать всё это методом «пеший по-лётному», изучать авиатехнику свою и противника, аэродинамику, вооружённые силы фашистской Германии!

На самом деле в боевой авиации готовиться надо к каждому вылету; а лётчики одной группы (по выражению НАСТОЯЩЕГО аса трижды Героя Советского Союза А.И. Покрышкина) **должны любить друг друга!** Тогда и потерь будет меньше!..

Да! Но это первый вылет! Во втором и третьем – собираемся после взлёта роем (я хотел сказать – строем), полёт по маршруту и бомбим эскадрилей! Тут уже легче – я только сохраняю своё место в строю, а отыскивает цель, прицеливается и даёт команду на сброс бомб командир эскадрильи майор Орлов В.Г. Роспуск. Ну и снова атаки попарно из пушек. Потом снова вместе эскадрой и домой на родной аэродром. В каждом вылете у нас будут подвешены по четыре 100-кг бомб! Это очень мощный удар и звеном, и тем паче эскадрилей!

Итак! Превышение полигона относительно аэродрома +80 метров. Поэтому бомбить придётся с высоты по барометрическому высотомеру 380 метров...

Капот у нашего «Мигаря» длинный и при взгляде через лобовое стекло вперёд-вниз закрывает девять высот! $300 \times 9 = 2700$ метров.

А какой относ у бомбы ОФАБ-100-120 при сбросе с высоты 300 метров на скорости 900 км/ч?

Смотрим по Баллистическим таблицам... 1900 метров.

Ага... Значит, чтобы бомбы накрыли цель, надо к цели подойти на высоте 300 и на это самое расстояние 1900 м.

$2700 - 1900 = 800$.

800 метров – это лишние! Их надо «пропустить». Как это сделать? Так-так-так!

900 км/ч переводим в метры в секунду... По НЛ-10м... (Тогда электронных калькуляторов ещё не было!) Это будет... будет... 250! Двести пятьдесят метров в секунду! «Двадцать один» – и мой истребитель пронесётся на 250 метров! Класс! **Как я об этом мечтал! Чтобы так готовиться! Чтобы так летать! С самого детства!**

800 делим на 250... Таблицы Брадиса... Нолик туда, нолик сюда...

Вот! Закрываем цель и бомбы сбрасываем через 3,6 секунды!

Отличненько!

Теперь стрельба из пушек... Парой с углом 20 градусов ввод в пикирование на боевом курсе с высоты 1600 метров. Углы упреждения мне вычисляет сам прицел... Тут без проблем! Дальность открытия огня на пикировании – 1550! Это начало стрельбы. Конец – 1100 и вывод!

Следует сказать, у нас опытные лётчики в полку предпочитают стрелять по

старинке – в «непод-ручное», т.е. сами учитывают поправки! Или имеют в виду только одну – на понижение снарядов, остальные – как придётся. В общем, они стреляют по углу пикирования и высоте. Объясняют так: в реале на войне никто тебе не даст 1-2 секунды выдержать центральную метку на цели, чтобы прицел отработал все углы упреждения! А так, мол, наложил марку на цель, выстрелил и ушёл! Но ведь и в «непод» ты всё равно будешь пикировать несколько секунд, пока подойдёт нужная тебе высота открытия огня, никуда это время тебе не деть. Однако, считаю, этот устаревший метод не только неудобен, но на войне и не практичен: никто тебе высотность цели относительно твоего аэродрома не подскажет – раз; надо в голове держать кучу цифр и постоянно их корректировать применительно к данной атаке – два. Другими словами, изменение угла пикирования даже на 1° от заданного, должен повлечь для себя другую высоту открытия огня – иначе просто промахнёшься. Приведу примеры (здесь высоты даны без учёта положения цели относительно аэродрома).

Атака с углом пикирования 20° :

- для угла пикирования в 22° , чтобы попасть в цель, огонь ведётся в диапазоне истинных высот 580-412 м;
- для 21° – 555-394 м;
- для заданного 20° – 530-376 м;
- для 19° – 504-358 м;
- для 18° – 478-339 м.

Атака с углом пикирования 10° :

- для угла 12° огонь открывается в диапазоне истинных высот 322-228 м;
- для 11° – 295-209 м;
- для заданного 10° – 269-191 м;
- для 9° – 242-172 м;
- для 8° – 215-153 м.

А если угол пике вышел 25° ? Или 15° ? Или, допустим, 5° ? Не атаковать, потому, что ты не помнишь, на какой высоте нужно начинать стрелять? На пикировании заглядывать в наколенный планшет? Или бить наобум – авось попадёшь?

Другое дело атаки выполнять в режиме «гирос-автомат» с радиолокационным прицелом: тебе не нужно знать точно истинную высоту под тобой, прицел сам учитывает все поправки и даже ветер; независимо от угла пикирования дальность открытия огня будет одна и та же – 1550-1100 метров! А главное – резко повышается точность попадания! Да и зачем тогда наши конструкторы свои головы ломали, изобретали что-то! Возить с собой всё это дорогостоящее оборудование и не использовать его, потому что лень переучиваться, что-то отрабатывать и надо вносить в свои навыки что-то новое? Поэтому посидел над Инструкцией лётчику, хорошо вчитался в то, что предлагается в Методическом пособии по боевому применению, отработал распределение внимания на тренажах в кабине, попробовал в полёте, усвоил и был самым первым лётчиком в полку, который стал применять весь комплекс прицельного оборудования нашего истребителя. Однако когда на другой день на разборе РП полигона говорил, что я разбил вдрызг свои мишени, обязательно находились такие, кто тянул: ну так он же стреляет в «гирос-автомат»! Типа того, что цель уничтожена не мной,

лётчиком, а прицелом! А тебе кто мешает, кропатель?!!

Пошли дальше! Разлёт осколков снарядов ГШ-23 на 130-160 метров... Потеря высоты за пикирование с углом 20 при скорости 900 – 285 м... Значит, стрельба на минимальных дальностях в упор уже не подходит... Ну и запас... Начало вывода на высоте 440 метров. В общем, проход над целью – не ниже 200 метров. Это чтобы не попасть в зону разлёта осколков своих снарядов... А по сему на выводе перегрузка не менее пять!

Чудненько...

За всеми этими расчётами, прокладкой маршрутов на карте с учётом «расположения» войск, ПВО «противника» и противодействия его истребителей (по предложенной обстановке на эти ЛТУ), изучения расположения целей на местности по крупномасштабным картам, их сильных и слабых сторон, возможностей маскировки и демаскирующие признаки, разыграем полётов с ведомыми методом «пеший по-лётному» на тренажной площадке, изучением Руководства по эксплуатации нашего «мигаря», выездом на аэродром для тренажей в кабине самолёта по работе с арматурой вооружения и отработке особых случаев в полёте, проходит вся предварительная. Наши доморощенные художники (из пилотов) уже и схемы для наглядности большие нарисовали! (Начальство любит схемы и наглядность!)

Полковой контроль готовности...

Конец рабочего дня. Собрались ехать в городок отдыхать, автобус для лётчиков уже стоит у ворот...

И тут...

М-да... С нашим командиром полка Военным лётчиком 1го класса полковником Кудряшовым Виталием Иннокентьевичем не соскучишься! Он просто источник нашего вдохновения и поиска проблем! Собирает он нас снова в классе Тактики ВВС и объявляет:

— Лётчики! Есть идея! Завтра на ЛТУ бомбить не с 300 метров, а с 800!

Но зачем?! Чтобы ПВО противника подставляться? Ведь реально на войне никто так бомбить не будет! Да и потом... Всё уже рассчитано для 300 метров! Подготовка расписана в тетрадах! Всё это вихрем проносится у каждого из нас в головах! Разумеется, ничего такого вслух командиру не высказываем! Даже комэски промолчали! Командир полка есть командир!

Твою мать! И пошла доподготовка всего с самого начала! Кроме выезда на Ерадром, разумеется!

Короче – справочники, расчёты, схемы, художники!

На дворе ночь! А «в деревне дураков»... То есть я хотел сказать, весь полк в поте лица... А завтра рано вставать! Обязательно ж начнут с объявления тревоги! Чтобы, значит, сбор и приведение всех частей гарнизона и каждого подразделения по отдельности проверить!

Так! Цель закрываем капотом «мигаря» и бомбим уже не через 3,6 секунды, а для высоты 800 метров – через 17,2! Ни хрена себе! В горизонте! На постоянной скорости и фиксированной высоте! Более 17 секунд! Ещё звеном и эскадрой, в плотных боевых порядках! Да лучшего подарка зенитчикам не преподнести! Тут только ленивый тебя не собьёт! И «Хок» к себе на 800 метров никого не подпустит для нанесения удара по себе!..

Готовились бы так всю ночь, но тут комэски втихаря позвонили начмеду, а доктор к

полковнику подкатывает:

— Товарищ командир! Лётчикам положены 8 часов сна! Не смогу я завтра допустить лётный состав к полётам! Если сейчас по домам не разъедутся!

В общем, конец рабочего дня после 21 часа!

С утречка, как и ожидалось, тревога! Сбор, отъезд, занятие готовности в кабинах истребителей! Потом оперативная пауза... Завтрак... Медицинский контроль... Прогрев и опробование движков... Разведка погоды... Предполётные указания... Опять война...

Разведчики погоды вернулись хмурые. По району стоит густая дымка, видимость 5-8 километров. Но вдобавок ещё и сильная болтанка! Командиру полка отбить бы ЛТУ, перенести его на другой день. Но уж больно хочется отметить в полковом плане, что учение проведено! Тем более, комдив уже на полигоне!

И принимается решение ЛТУ проводить! Первая эскадрилья взлетает парами и уходит звеньями по маршрутам. Через 25 минут взлетаем и мы, 2я аз. Наши полёты по маршруту рассчитаны так, что огневое воздействие по целям на полигоне идёт постоянно: эскадрилья следует за эскадрильей; в каждой из них – только заканчивает работу звено управления, подходит 1е звено! Заканчивает 1е звено – тут уже через 30 секунд 2е звено! Потом моё, третье! Следом уже третья аз подпирает. Поэтому взлёт подразделений, точность выдерживания ведущими скоростей на маршруте, да и путь самого маршрута должны быть идеальны: не выдержишь – выскочишь на полигон раньше своего времени, помешаешь и себе и предыдущему звену. Или опоздаешь и тогда всю картину нанесения удара смажешь! И на тебя налезет следующая группа!

Взлетели. Собрались звеном. Отошли по маршруту. Высота истинная – 100 метров. Это чтобы скрытно подойти к цели, чтобы противник раньше не засёк и не обстрелял своими средствами ПВО наши самолёты или не навёл на группу свои истребители. Гребни гор – нам помогают в этом, а противнику здорово мешают! Конечно, на самом деле никакого противника сейчас нет, даже условного. Никто нас не «увидит», не обстреляет и не перехватит. Но интересно же пролететь, как на войне.

На приборной доске периодически вспыхивает красная лампочка «Опасная высота» и по ушам бьёт тональный сигнал. И я, чтобы меня это не отвлекало, перевожу задатчик радиовысотомера из положения «100» в положение «50». Можно, конечно, вообще отключить этот режим. Но пусть будет! На всякий случай! А вдруг зазеваюсь!

По перископу контролирую сохранение боевого порядка ведомыми лётчиками. Ведомые стоят как вкопанные. Ведущий второй пары старший лётчик звена капитан Валерий Степаненко, правда, чуть поотстал. Кстати, ему 38 лет. Это опытный пилот. Мне, командиру звена – 22! Мы друг к другу только по отчеству обращаемся! Отчего не он командир звена? Да как вам сказать... Короче, выпить любит Петрович... Почему и погорел! Пытался и меня к Зелёному Змию приручить... Серьёзно поговорил с ним! Два раза, почуяв запах спиртного на тренаже, отстранял от полётов... Теперь с этим вроде проблем нет! Ни разу после крайнего случая не приходил на полёты после возлияний!

Что ж ты держишься далеко?

— 543й, чуть ближе подойди! — подаю команду в эфир.

— 543й понял!

Подходит, как и отработывали: дистанция 150, угол визирования 30°. Вот теперь стоим, как надо! Уверен: на Валерия Степаненко в полёте можно положиться – сколько ему установишь на предварительной, столько и будет держать! Просто иногда проконтролировать надо и подсказать...

Осматриваюсь. М-да, действительно! Дымочка густая! И болтанка!.. Истребитель на скорости 900 трясёт, как какой-то кукурузник. Вот он, резко континентальный климат и горный район этих мест!

Первый поворотный пункт маршрута... Сличаю со временем... Ведь раньше нельзя выйти на полигон, и позже тоже нельзя. Поэтому на предварительной рассчитал и у себя на карте у каждого ППМ вычертил табличку с указанием, какую скорость (с плюсом от расчётной) держать на следующем этапе маршрута, чтобы на цель всё-таки выйти вовремя, если опаздываем на пять секунд... на 10... на 15... И т.д. Или наоборот, какую скорость надо держать меньше заданной, если на ППМ вышли раньше: на пять секунд, на 10, на 15 и т.д. Вот в этих табличках и указана вся конкретика. **В общем, подготовка к каждому полёту – это одни расчёты, сплошная математика. Поэтому если парнишка в школе не дружит с точными науками, о профессии военного лётчика ему лучше всего позабыть!**

А сейчас мы идём, как литерный по расписанию! Потому что взлетел вовремя, секунда в секунду! И скорость в полёте выдерживаю заданную! И сам полёт выполняю строго по линии заданного пути!..

Прошли по маршруту. Над КПМ переключаю секундомер и беру курс на полигон. Курс рассчитан так, чтобы сразу выйти на цель... Без доворотов... Если, конечно, ветерок не снесёт!

С разрешения КП переходим на канал управления полигона. И жду доклады, чтобы, значаща, убедиться, что все перешли.

— 542й...

— 43й...

«Блин! Петрович! Тебе обязательно надо выебн*ться!» — улыбаюсь я в кислородную маску!

— 544й...

Так! Все мои ведомые на 8м канале. И это хорошо... Слушаю радиообмен 2го звена, что работает передо мной на полигоне... Радиообмен у РП полигона спокойный, без накала страстей. Значит, все звенья до меня отработали неплохо!

— 535й, на боевом <курсе>, цель вижу!

— 535й, наблюдаю вас, работу разрешил!

— Огонь!.. Ввывод!

— 537й, на боевом, цель вижу!

— 537й, наблюдаю, работу разрешил!

— Огонь!.. Выывод!

— 535й выключить <оружие>, уход!

— 535й, понял! 537й, наблюдаешь?

— Эээ... Наблюдаю, 537й!

— 535й, группа в сборе, отошёл на точку!

Вам легче! Вы отработали! Так! Полигон наш...

— 541й, подход, условия?

— 541й, подход разрешаю, свободно. Ветер справа под 30, три метра, — отвечает РП полигона старший штурман полка подполковник Вишняков. — Высота по заданию!

Всматриваюсь вперёд! Дымка, чччёрт! И болтанка! Посматриваю по сторонам, пытаюсь определить знакомые очертания гребней гор. Курс? Вроде правильно идём. И по секундомеру подходим к полигону!

Ещё 15 секунд на 100 метров! А потом в набор! Бомбометание с 800! Зачем?

Такую задачу поставил командир полка! Поэтому в область поражения «Хока» надо войти так, чтобы в невыгодных для нас и выгодных для него условиях находиться не более 12 секунд! И сразу войти в «воронку» над ним, в которой он захватит нас и пустить свои ракеты по нам не сможет. А после сброса бомб соколом вниз, поближе к земле, где этому ЗРК работать по нам трудно, а ещё лучше пролететь так, чтобы стало практически невозможно! 12 секунд – это реакция «Хока» на целеуказание, прицеливание и пуск... А минимальная дальность пуска у него («воронка») – 2 км.

Десять секунд... Пять... Перевожу истребители звена в набор!

— 541й, включаем!

Это команда ведомым на включение выключателя «Тактический сброс»! Откидываю гашетку на ручке управления и, глянув в перископ на строй сзади, ставлю на борде выключатель в положение верх... Всё! Бомбардировочное вооружение моего МиГа готово к боевому применению!

Та-ак! Ложимся в горизонт! Сейчас, сейчас мы свалимся тебе «Хок», как снег на голову! Не мы свалимся, конечно, а свалим наши замечательные бомбочки!

Высота? 900 по высотомеру! Значит, реально 820 – ой, как это плохо с этим ЗРК! Скорость? 900 истинная!

Всё расчётное! Ну ладно!

Цель... Где же ты, «Хок»?

Реально – это очень серьёзный противник для авиации! Вероятность попадания у него – 0,9! Это значит, что из 10 пусков по 10 самолётам выживает только один!

«Хок» в переводе с языка супостата – «ястреб». Потому что бьёт чужие самолёты по-ястребиному – сверху вниз! Сейчас ты мой враг! И всегда будешь им! Я тебя, американская сволочь, ненавижу! Поэтому тебя надо уничтожать раньше, чем ты сделаешь пуски своих ракет по нам!

Как же тебя накрыть, ссука-ястреб? Дымка! Густая дымка! И болтанка! Угол атаки ходит $\pm 4^\circ$! Раньше закроешь цель капотом – раньше начнёшь отсчёт, раньше сбросишь и бомбы не долетят до цели! Позже от заданного подойдёт к капоту цель – всё тоже самое, но только с перелётом. И в том, и в другом случае – промах, а на войне сие чревато тем, что «Ястреб» тебя всё-таки обстреляет! Поэтому прицеливание должно быть по возможности снайперским, второй атаки по ЗРК может и не быть...

Так! Цель... Не обмишуриться бы с бомбами-то!.. Подвески-то у нас серьёзные – у каждого под крыльями по четыре сотки! А ещё ж надо найти и опознать этот самый «Хок»! Да ударить с первого захода! До меня другим звеньям это удалось! А я что, хуже? Ну и что, что лейтенант! Никто на это скидку не сделает! Тебя комэска перед назначением на должность КЗ спрашивал: «Справишься?» Ты ответил: «Да! Справлюсь, товарищ подполковник!» Вот и справляйся!

Я мельком глянул на ведомых лётчиков! Им сейчас проще! Они бомбят по моей команде! Вся ответственность на мне! И пороть в случае промаха будут не их, а имя рек! Это чтобы приучить меня отыскивать свои цели и уничтожать их с одного захода! Как говорил великий А.В. Суворов, *«Лучше пот, чем кровь»!* А дедушка-генералиссимус знал, как воевать и готовить служивых людей к войне!

Мой ведомый Серёга Алексеевич стоит прямо впритык. Петрович рядом с Сергеем, в 75 метрах от него, старший лейтенант Петя Перфильев сосёт крыло Степаненко. В плотных боевых порядках хорошо накрывать цель осколочно-фугасными бомбами... Если

попадём, конечно! Но это в боевом вылете близко! Ладно, об этом потом...

По секундомеру время выходит, а цели всё нет!

Цель! Где же ты, где? Правильно ли идём? Впереди вроде как очертился характерный рисунок расположения пусковых установок «Хока» веером...

Не показалось? Нет! Это они самые! Я улыбаюсь!

— 541й, на боевом, цель вижу!

— 541й, наблюдаю, работайте!

Но болтает, зззараза! Подходим... Цель накрывается капотом...

«Двадцать один, двадцать два, двадцать три...»

Я тебя всё-таки нашёл, гадский «Хок»! Режим? В горизонте!

«...двадцать семь, двадцать восемь...»

Высота? 900! Скорость? Это неважно, она никуда не денется!..

«...тридцать-ноль, тридцать один, тридцать два...»

Ведомые? Стоят, черти...

«...тридцать шесть, тридцать семь, тр...»

— Сброс! — кричу в эфир. И добавляю: — 541й, роспуск!

И пошёл с креном влево камнем вниз, пока бомбы несутся к земле! побыстрее с этой дурацкой высоты 800 метров, пока зенитчики не очухались! Наши осколки нас на этой высоте всё равно не достанут! Значит, противоосколочный маневр не нужен! А через пару-тройку секунд мы уже будем далеко!

И вдруг в эфире загрохотало:

— Молодец! Накрыл!

Штурман полка доволен! Бомбометание и точность выхода на цель по времени – он нас этому обучает, это его епархия!

Скажу по секрету: я доволен больше нашего штурмана!

Ведомый? На месте! В развороте оборачиваюсь назад и вижу густые тучи дыма и пыли в расположении «Хока»! Правда, не по центру, а чуть левее! Но и это сойдёт! Кабины управления стрельбой и пусковые установки обязательно попадут в зону ударной волны и осколков. Мало вам не покажется, америкосы!

— 541й, перезаряжаем!

Речь идёт, конечно, о пушке! Она у нас двухствольная, 23х-миллиметровая со скорострельностью 3400 выстрелов в минуту! Это очень мощное оружие! Ах, спасибо нашим тульским оружейникам за такое изделие! Включаю АЗС «Пушка» и нажимаю кнопку № 1. По фюзеляжу прошла дрожь сработанного пиропатрона перезарядки. Попутно перевожу стрелковый прицел в «Гиро-автомат», белый тумблер «Б-С» – в положение «Стрельба». А на радиолокационном прицеле включаю режим «Закреплённый луч»; это чтобы он у меня работал не в обзоре, а как дальномер!

Снижаюсь до 100 метров с разгоном скорости до 1000 км/ч, на курсе 145° вывожу из крена. Атака будет со сложных видов маневра, с боевого разворота! Я люблю бить с боевого за скрытность, скорость и стремительность удара! Противник думает, что мы ушли, а тут добиваем его из пушек!

Отыскиваю свою колону танков... Танков ведь на стрелковом поле до хрена!.. И попробуй только ударить не по заданной тебе цели!.. Есть! Вон она!.. А если лётчик зацепил глазами цель, никуда она не денется, атака последует незамедлительно! И когда прошёл траверз, беглый взгляд на секундомер... Одна, две... Как красиво проносится горное плато под нами... Пять секунд, шесть... Но не до скальных красот!

Восемь... Чуть протяни дальше... Потому что ты атакуешь не один, а в паре... О нём, своём ведомом, тоже следует заботиться, чтобы облегчить ему сохранение своего места в строю... Пора!

— 541й, маневр!

И с хорошей перегрузкой потянул на боевой разворот! Держись, Серёга! Ты – «щиток» командира звена и обязан сохранять своё место в строю, а если надо, то и прикрыть меня! Игры закончились вместе с детством! Мы – лётчики боевой авиации!

Зажимаю кнопку демпфирования сетки прицела, и доворачиваюсь на цель, одновременно добирая высоту.

— 543й, перезаряжаем!

А я с высоты 1600 метров сваливаю нашу пару в пикирование с углом чуть больше, чем 20° , подводя ромбики прицела повыше головного танка в колонне. За вывод из крена уголок по АГД установится точно 20, а центральная марочка... По опыту знаю: при высчитывании углов упреждения автоматика прицела опустит её! И чем меньше угол пикирования, тем «опускание» это будет больше.

— 541й, на боевом, цель вижу!

— 541й, наблюдаю вас, атаку разрешил!

Проверяю отсутствие скольжения на пике. Со скольжением стрелять нельзя, разброс снарядов будет большой и ты, скорее всего, промахнёшься! Отпускаю демпфер и прицел начинает свой отсчёт. Танк вписывается в ромбики дальномерного кольца. Центральная марка показывает мне место, куда попадут снаряды моей пушки! А марочка сейчас легла прямо на башню головного танка! Вот! Вот так! Учитесь, пока я здесь! Алексеевич? Стоит на месте, чертяка! У него задача сейчас посложнее: надо одновременно и сохранять боевой порядок в паре (чтобы не отстать, не обогнать и не дай бог, не столкнуться с ведущим), и прицеливаться по своему танку!

— 543й, маневр!

Боковым зрением фиксирую появление на экране своего радиолокационного прицела «птички» без разрывов в крыльях с метками дальности сверху. Так и должно быть! Это мой дальномер взял в захват точку на земле (т.е. мой танк), которую я указал ему, отпустив кнопку демпфера. Конечно, мне сейчас экран РП-22с и на фиг не нужен! Но проверить работу его не мешает! И если распределения внимания хватает и ты успеваешь глянуть туда и сюда, почему бы не проверить лишний раз?

У Алексеевича – третий танк, у Степаненко – второй, Перфильев должен забить четвёртый!

Стрелка дальмера на прицеле дрогнула и с деления 2000 метров быстро побежала в сторону левого упора... И метки дальности на моём радаре понеслись к центру «птички»! Значит, дальномер работает штатно!

Подходит стрелка к отметке дальности 1800 метров и на прицеле вспыхивает лампочка «Пуск <разрешён>»! Не ври! Это для длинных очередей, а я бью короткими! Поэтому рано! Ещё чуток! 1700... 1600, 1550...

— Огонь!.. — Мой истребитель вздрогнул от мощной пушечной очереди! И тут же по достижении минимальной дальности ромбики прицела как тараканы юркнули от центра. — Вывод!

На прицеле вижу мигание лампочки «Выход <из атаки>». Ладно, не мигай, я уже вывожу! С перегрузкой пять тяну ручку на себя. Мой вес в перегрузочном варианте приятно вдавликает меня в сидение, а ППК сладострастно обжимает моё тело. Я люблю

перегрузку, меня это возбуждает! «Птичка» на РП-22с проваливается вниз; это радиолокационный прицел пытается отслеживать точку прицеливания...

— 541й, на первом!

Вскользь глянув на своего ведомого, я уже в развороте. В крене снова начинаю прижимать пару наших истребителей к земле. Реально это весьма неудобно для зенитчиков, большие вертикальные и поступательные скорости и предельно малые высоты очень мешают им работать по нашим самолётам!

— 543й, на боевом, цель вижу!

— 543й, наблюдаю, атаку разрешил!

Остаток <керосина>? 1400! Отлично! Даже вторая группа баков ещё не выработана!

— Огонь!.. Выводим!!

Как и отработывали на земле, на разворотах Алексеевич держится в одной плоскости со мной, что позволяет мне его постоянно видеть! А если я в любой момент могу видеть своего ведомого, то значит, всё внимание могу переключить на поиск противника, огонь по цели и её уничтожение. Молодец, Серёга! Ты хороший лётчик! И когда-нибудь станешь хорошим ведущим! Я тоже с этого начинал!

— 543й, на первом!

Развернувшись на 180 градусов, вывожу из крена. Разгоняю наши МиГи до огромных скоростей.

Да вы можете себе представить, какое это упоение – мчаться на скорости 1000 км/ч у самой земли!!

Смотрю на танки-цели. В районе всей четвёрки наших мишеней – куча поднятой пыли. Значит, каждый из нас вlepил не просто хорошо, но на «отлично» – прямые попадания, да с первой атаки! Это цинус для истребителей-бомбардировщиков!

Ведомая пара тоже уже видит результаты нашей работы.

— Как мы их! — кричит Пётр.

Я улыбаюсь в кислородную маску. И знаю: все лётчики улыбаются!

— Разговорчики! — одёргивает РП полигона. Но без строгости, чувствуется при этом, что он тоже улыбается.

— 541й, маневр!

...Вторую атаку провели так же слажено! При отходе от полигона собираемся в единый строй. Перевожу свой радиолокационный прицел в режим «обзор». И оглядываю им переднюю полусферу. Четыре метки на удалении 25-28 км. Это предыдущее звено над точкой заходит на посадку.

Тут группа подполковника Перевезенцева Б.Н. из 3й эскадры вслед за нами несёт свои 100-кг капельки к своим целям:

— 851й, подход, условия!

По часам секунд на 20 они подошли позже. А по нормативам КБП точность выхода на цель ± 30 секунд будет на оценку «отлично»! Уложились в своё время!

— 43й, пристроиться справа?

Это Петрович запрашивает разрешение стать в строй. Глянул на ведомую пару в перископ. МиГи на догоне подходили чуть снизу.

— 543й, разрешил!

Интересно, что 3й эскадре назначено целью? Видимо, волнуется Борис Николаевич – как он в такой дымке найдёт свою цель, и как с такой болтанкой будет прицеливаться!

Нам сейчас легче: мы нашли свои цели и нанесли по ним удар! Прицельно, чёрт подери!

Так-так! Ведомая пара?

— 541й, группа в сборе, отошёл на точку!

— 541й, выключить, отход! На стартовый <канал>!

— Переходим! — и выключаю бортовое оружие, стрелковый прицел стопорю в «непод», ибо в режиме «гироскоп» садиться категорически нельзя: чувствительные гироскопы – на иглочках, посадка, даже самая что ни на есть мягкая, выведет АСП из строя и его придётся менять. А это весьма дорогостоящая игрушка – авиационный стрелковый прицел! И снова переключаю радиолокационный прицел в режим «закреплённый луч». Интенсивное высокочастотное излучение по оси самолёта без сканирования воздействует на нервные окончания пёрышек птиц и они разлетаются в стороны. А мы ведь как раз идём на предельно малых, где и они любят летать!

И пошли с огибанием рельефа местности. Как и положено отходить от цели на войне. Впереди вершина, и я перевожу в набор, чтобы центральная марка прицела, опущенная в ручную мной на 3° 15' прошла по верхушке скалы. В этом случае мы пронесёмся над ней как раз на 100 метров! Горушку перетянули и сразу вниз! Поближе к матушке земле...

Наш полигон находится рядом с аэродромом. Поэтому практически сразу получаем от РП аэродрома разрешение на вход в район.

— 544й, остаток? — запрашиваю я. У крайнего ведомого в группе остаток всегда будет меньше – ему для сохранения своего места в строю чаще приходится догонять.

— 544й, 1000!

— Понял! 541й, подхожу на 100!

— 541му – на своей, свободно!

Заходим на роспуск. По посадочному снижаю звено до 25 метров и разгоняю наши МиГи до 1000 км/ч, чтобы красиво распуститься группе. Тревожно загорелся сигнал «Опасная высота» и тон в наушниках напоминает мне об этом. Хорошо, хорошо! Вижу, знаю! Ведомые? Как и отрабатывали на земле, все держатся с превышением, так принято при полётах на предельно малых... Вот впереди мелькнули первые плиты бетона нашей полосы, пронесусь по всей длине её. Пусть комэска да и остальные лётчики полка посмотрят и по этому маневру поймут, что наше звено отработало отменно!

— 541й, роспуск!

— Роспуск, пять-сорок один! — разрешает РП.

И пошли боевым разворотом с пологим набором до 800 м. Сперва я, потом веером каждый из лётчиков звена через 6 секунд... Это как раз даёт на кругу нужный интервал в 4-5 км... Почему 800? Потому что кругом горы. Задатчик «Опасная высота» радиовысотомера ставлю в положение «100». На траверзе ВПП уменьшаю скорость и выпускаю лапки у своей птички. Подхожу к третьему, осмотрелся: не подрежет ли мне кто путь, допустим, при заходе с прямой. ГРП, конечно, это бдит тоже, но осмотрительность для истребителя никогда лишней не бывает!

— 541й, на третьем, шасси выпустил!

— 541му – заход!

— 541й понял!

Развернулся почти на привод. Глянул на своих. Идут друг за дружкой на установленных интервалах. Выпускаю закрылки во взлётное положение, перевожу на

планирование... На табло сперва замигал, а потом начал устойчиво гореть сигнал «2я группа баков». Остаток? 950 кг! Значит, топливо вырабатывается правильно! Выключаю перекачивающий насос. Лампочка на Т-9 гаснет.

— 542й, на третьем, шасси выпустил!

— 542му – заход!

— 542й понял!

Посматриваю на ВПП, стараюсь определить момент начала четвёртого разворота... Вот теперь пора! Занимаю посадочный курс. Скорость? Высота?

На табло мигает сигнал «Маркер», в наушниках послышались тональные сигналы дальнего привода. Выпускаю закрылки в посадочное положение и фары (для отпугивания птиц, чтобы они даже не подходили к посадочному).

— 541й, дальний, к посадке готов!

— 541му посадка! Для группы: встречный пять!

— 541й, понял!

Планирую в точку выравнивания. Угол – скорость – снос?

— 543й, на третьем шасси выпустил!

— 543му – заход!

— Понял!

100 метров... Маркер ближнего... В наушниках послышался ещё и непрерывный тон, боковое зрение вниз фиксирует загорание лампочки «Опасная высота».

Подхожу к точке выравнивания... Выравниваю ровно на одном метре... Подбираю... Ещё... Ещё... Хватит брать, сидит!

Мой МиГ зачиркал колёсами о бетон...

— 542й, дальний, к посадке готов!

— 542му – посадка...

Заруливаю. Мой техник Дима Шестаков показывает два пальца! Он доволен: я зарулил строго по белой полосе! Это для техников шик, они друг перед другом хвастают, как их пилот зарулил.

Выключаю всё оборудование истребителя и движок.

Дима открывает фонарь кабины и ставит его на распорку!

— Как аппарат?

— Твоими стараниями!

Димон распутывает тросики чек и ставит их в пиропатроны и ручки-держки катапульты.

Вылез из кабины. Расписываюсь в Журнале подготовки самолёта, что замечаний по работе техники нет. Наши мигари сразу облепили специалисты ИАС для подготовки к следующему вылету. На ЛТУ особенно много работы у оружейников: надо и ОФАБы подвесить, и взрыватели вкрутить, и пушки перезарядить...

А мы, лётчики, звеном собираемся за самолётами и потом идём к лётному домику.

В общем-то, замечаний по полёту у меня нет. Но говорю всё же:

— Пётр! Что за щенячьи восторги в эфире? Хочешь, чтобы старший штурман полка тебя на карандаш взял и ты в журнале РП фигурировал?

— Арнольд Константинович – свой человек!

— Лучше не рисковать!

— Слушай, Игоревич! — спасая своего ведомого от дальнейшего разгрома по этому вопросу, переводит разговор Валера Степаненко. — А дымка! Я думаю, как мы цель

отыщем, когда по «Хоку» заходили!

— Ну, отыскали же! — улыбаюсь я!

(«Хотя это было непросто! — очень захотелось добавить мне. — Ай да я, ай да сукин сын!»)

— Ты вон лучше зацени болтанку! Ведь это сказывается на точности прицеливания! И всё равно попали!

— М-да... Я таких условий здесь и не припомню! И ЛТУ проводим! Чёрт его знает!..

А я в раздумье добавляю:

— И ведомые! То, что на бомбометании мы шли в плотных, надо сказать, оччень плотных боевых порядках, то есть вы стояли впритык к ведущим, это неплохо для поражения целей: ударные волны сложатся и ущерб на земле будет максимальный. Но для атаки ЗРК сие не подходит – одной ракетой можно поразить сразу пару. Поэтому боевые порядки на ЛТУ и в бою должны быть: 75 метров, угол визирования 30! Ближе 75 метров к ведущим не подходить! Ясно?

Прошли несколько шагов молча. Лётчики размышляли над тем, что сейчас было сказано КЗ. А я с сожалением подумал о том, что до меня это дошло только в воздухе, на боевом курсе, а не на предварительной! Но мне и в голову не приходило, что ведомые так близко могут встать при атаке «Хока»! Автоматически считал, что то, что известно мне, знают и другие! Оказывается, надо продумывать всё ещё детальнее!

Затем Петрович поворачивается к своему ведомому Перфильеву:

— Петро! Ты чего отстаёшь на маневре при выходе на боевой? Это далековато!

— Дык, а если ты на боевом проскочишь и будешь доворачиваться в мою сторону?

— Ну так, я проскочу и ты проскочишь! Вместе потом и будем доворачиваться в одну сторону! Ты уж не отставай! Это же отразится на точности стрельбы у тебя. Моя очередь из пушки пройдёт цель! А твоя может и не дойти! Если точно зайдём, конечно! — смеётся Степаненко.

Отдаю кассету своего бортового самописца Алексеевичу, чтобы он сдал её в Объективный контроль, а сам иду в лётный домик.

— Как отработали? — интересуется комэска майор Орлов. — Бомбами-то хоть попал? Вижу-вижу, что доволен!

— Так точно! «Хок» накрыли! Да и танкистам в «наших» танках мало не покажется. А как первая отработала?

— Первая? Два звена промахнулись с 800 метров!

— Ну ни хрена себе! А по чём они работали?

— У них цель – ВПП грунтового аэродрома.

— Взлётка аэродрома? Это тяжёлая цель! Там только прямые попадания нужны! Вишняков даже в метре от полосы 16 ОФАБ не засчитает за поражение! А мы положим в метре – от «Хока» одни воспоминания останутся. И на разборе будут говорить лишь в превосходных степенях!

— Вот! А у них даже близко бомбы не легли... Наверное из-за дымки не нашли! У нас второе звено тоже по «Хоку» не донесли...

— Фью-ють... Так вот почему полкач предложил бомбить с 800! Он для первой эскадры старался! Аэродром с 300 труднее отыскать сходу, хотел, чтобы с 800 лучше и дальше было видно! А тут дымка, болтанка!

— Ладно! Садись, пиши боевое донесение! Все кэзэ уже написали, только ты остался! Отдашь начальнику штаба. Я – к командиру полка! Попытаемся его с

Лушниковым и Перевезенцевым отговорить от бомбометания с 800 в других вылетах!

Майор Лушников – это командир 1й эскадры. Подполковник Перевезенцев – комэск 3й аэ, он был у меня командиром эскадрильи здесь, после прибытия из училища, помогал готовиться на 3й класс. Но он же ещё в воздухе! Ну, посмотрим, что им полкач ответит! Виталий Иннокентьевич не любит менять своих решений!

А мы идём на лёгкий завтрак. За столами лётчики только и говорят о проведенном первом вылете!

— Я тебе сказал: подойди ближе! Что ты там болтаешься, как кое-что в проруби!

...

— Ты кричишь: огонь! А у меня ромбики справа от цели! Ну, думаю, промахнусь! Я ему левую ногу – ннна! Сетка прицела в другую сторону – ррраз! Один снаряд, да должен влечь в бэ-тэ-эр!

...

— ...Я посчитал, ты меня потерял!

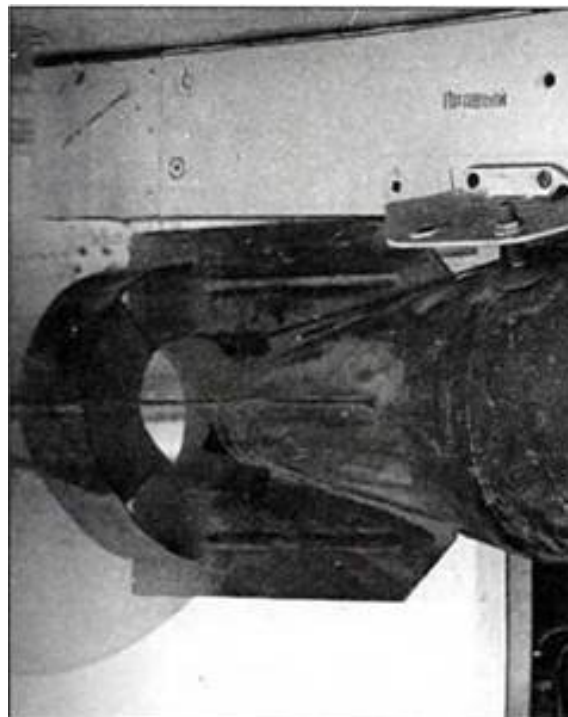
— Да нет! Как я могу тебя потерять – чёрные точки на фоне этого белого марева!..

— А чего ж молчал, шершень, как теща до свадьбы?..

...

— Слушай! Ну и дымка! Думал, не найду цель!

— А болтанка какая! На боевом курсе – как на телеге!

После перекусона эскадрильей собрались перед лётным домиком!

Орлов даёт последние ЦУ, одновременно сообщает:

— Командира не уговорили! Но он в связи с ухудшением видимости дал команду оружейникам боевые бомбы заменить на практические! Будете осматривать самолёты, проверьте, чтобы ни одной ОФАБ-100 на пилонах не было! Только П-50-75! Не забудьте выцарапать на стабилизаторе свои позывные!

Бомбы П-50-75 были двух видов: дневные и ночные. Дневные после падения давали белый дым, по которому наблюдающие полигонной команды засекали её падение и, следовательно, от чего зависела оценка бомбометания; ночные давали вспышку, как вы понимаете, для той же цели.

— Значит, действуем по плану! После КПМ сразу перевожу в набор! Не хрен там, на 100 метров шастать! Вы видите – видимость, какая плохая! А у нас всей эскадрильей бомбить надо!

— Так, по военному ведь, товарищ командир! ЛТУ есть ЛТУ! Надо чему-то подучиться! — улыбается командир 1го звена Валентин Герасименко.

— Ты мне здесь мозги не компостируй! «По-военному», «ЛТУ»! Главное, меры безопасности! Ты будешь мне сосать крыло, а мне цель надо найти! Потому как промахнусь – пороть будут меня, а не тебя! Бл*дь! На х*я бомбить с 800 метров – вот чего я понять не могу! — сплёвывает в сторону Орлов. — Болтанка! Видимости ни х*я нет! И отрабатывать новый вид боевого применения! Зачем?!

Мимо нас рулят взлетающие перед нами лётчики 1й эскадрильи. Все автоматом провожают взглядами рулящие самолёты. У них уже висят практические бомбы.

— Так! Ладно! После сброса подвесок – роспуск и работаем по своим целям из пушки! — Продолжает Виктор Георгиевич. — Ниже 100 метров на траверзе целей не снижаться! На боевом низко не выводить! За попаданиями не следить – всё равно не увидите! А крику потом на разборе будет по самые не могу! Ведомые! Сохранять своё место в строю! Потерял ведущего – сразу доклад! — Оборачивается к Кузьмину своему заместителю: — Близо стоишь на стрельбе! Ты же сковываешь мой маневр! Я же на боевом курсе не смогу повернуться вправо, в твою сторону, чтобы уточнить прицеливание, если чуть провернусь.

— Георгиевич! Ты об этом не думай! Я прицеливаюсь по своей цели, а тебя всё равно держу в поле зрения! Доворачивайся, не столкнёмся!

— Не надо, Олег! Оттянись ещё метров на 7-10! И принижение! Мне спокойнее будет!.. И поменьше ребячества в эфире! Перфильев, понял, да?

— Да я что? Я ничего! — опешил Пётр и покраснел.

Ай да комэска! Мы-то думали, что все ушли, что только мы на канале управления полигона! А Орлов после посадки перешёл на 8й канал и пока рулил, слушал, как мы работаем! Вперёд будет нам наука!

— Все эмоции после полётов, понял, Перфильев? Так! Пошли к самолётам! Если готовы – садитесь на приём, а техник пусть снимает заглушку с конуса! Я буду знать, какие самолёты готовы! Да! Проконтролируйте работу техников – чтобы с заглушкой не запускать, да движок не спалить! На ЛТУ такие штуки в спешке бывают! Всё ясно? Вперёд!

Подхожу к своему самолёту. Дима Шестаков регулирует нашего механика:

— Ещё раз на тебя пожалуется старшина, что ты койку плохо заправляешь или там с ним пререкаешься – голову оторву! Ты – механик самолёта командира звена! Должен всем механикам во всём примером быть!

— Понял, товарищ лейтенант!

И тут боец Коваленко замечает меня и взглядом показывает Шестакову за спину. Дима оборачивается. Потом в воспитательных соображениях застёгивает вторую пуговку на комбезе, поправляет технический берет на голове и с рукой у виска подходит с докладом:

— Товарищ командир! (Лейтенант – вроде, как низко! Он ведь тоже лейтенант!) Самолёт к вылету готов! Вот только... Подвески заменили, в курсе, командир?

— Да, знаю. Полкач приказал! Для работы боевыми боеприпасами видимости нет ни хрена!

После осмотра истребителя сажусь в кабину. Дима рядом, со стремянки помогает надевать подвесную систему парашюта. А Коваленко уже подошёл АПА и подключает жгут электропитания.

— АПА, обороты!

— Питание подключено!

Я включаю аккумулятор и рацию.

Минуты через три услышал голос в эфире:

— 521й, группе запуск?

— 521й, запускайте!

— Запускаем!

— К запуску!

— Есть, к запуску! — отвечает мой верный техник, и посмотрев за истребитель, кричит: — От двигателя!

Запустил движок. Проверил оборудование и гидравлику. Показал, чтобы убрали колодки. Заметив, что самолёт, за которым взлетаю, уже порулил, вывожу обороты. Запрашиваю разрешение у Димы вырлиться. Шестаков осматривается вокруг, вытягивает левую руку в сторону руления, а правую прикладывает к берету. Это ритуал, и каждый техник старается сделать это по-своему и так, чтобы было красиво со стороны. И я порулил. За мной – мои ведомые.

Выстроились эскадрильей на ВПП. Взлетели попарно.

Собрались, идём по маршруту. Моё звено – крайнее в группе. Под нами проносятся вершины гор. Мы идём на 100 метров. Погода... Вроде, видимость получше! Или так кажется? Мельком посматриваю в перископ и на своих ведомых. Я выдерживаю удаление до впереди летящего истребителя 75 метров. И они держат такую же дистанцию! Урок усвоен и это радует. Когда стоишь дальше, конечно, сохранять строй труднее, особенно при маневрировании, чем лететь впритык, как на параде, когда у впереди летящего самолёта видна каждая заклёпка и замечаешь любое изменение расстояния, даже самое малейшее. Зато в бою так надёжнее! *«Лучше пот, чем кровь»...*

Выскочили на равнину. Орлов ещё ниже прижимает самолёты к земле! Вы, черти, хотели по-военному! Натё вам! Но лётчикам нравится летать на предельно-малых высотах! Хотя мы, ведомые, и держимся с превышением 1-3 метра от самолёта, за которым стоим. Так все и идём – небольшая ступенька по высоте. Ведущий осуществляет самолётовождение по маршруту и следит за высотой, мы, лётчики группы, ведём осмотрительность (в поисках противника) и сохраняем своё место в строю с превышением. Тогда при любом маневре ведущего никто с препятствиями и самолётами строя не столкнётся, даже если кто зазевается и станет обгонять впереди летящий истребитель.

Первый поворотный... Секундомер... Параметры полёта... В крене мельком на земле замечаю, как отара овец от нашего пролёта в стороны разбегается! Улыбаюсь! Чабан, наверное, нам в след маты расточает!

Второй поворотный... Переключаю секундомер... Курс... Я хоть иду в строю со всеми сейчас в качестве ведомого, но за самолётовождение по маршруту и ведение ориентировки всё равно отвечаю перед командованием! В Наставлении так и сказано: ведомые постоянно ведут счисление пути и ориентировку с тем, чтобы быть готовым в любой момент перейти на самостоятельное самолётовождение и выполнение боевой задачи. В общем, все отвечают за всё!

По часам пора выполнять КПМ с разворотом на полигон. Орлов отчего-то медлит и рассекает прямо! Слышу: кто-то щёлкает кнопкой передатчика. Значит, в нашей группе кто-то ещё тоже усёк, что время вышло. Комэск не реагирует. Может, что-то он изменил в маршруте и мы зайдём с другим боевым курсом? Тут Виктор Георгиевич, наконец, докладывает на КП о проходе КПМ. Но... по часам секунд 29 протянул...

В развороте комэск переводит группу в набор высоты! Мама моя родная! А дымка, дымка здесь стала ещё гуще! И болтанка! Нет, на 100 метров её почти не ощущаешь! А на 800! Дымочка, судя по всему, сгустилась ещё больше! Болтанка возросла: указатель углов атаки уже мечется $\pm 7^\circ$, а не ± 4 ! Как же Орлов цель отыщет, будет прицеливаться и бомбить?

Комэск даёт нам команду перехода на 8й канал.

Делаю два щелчка ручкой на пульте управления ракци. И жду очереди, чтобы сказать свой позывной. Ну и слушаю своих ведомых, конечно, тоже...

На высотомере – 900! Выдерживаю строй! Как там стоят мои? Отлично стоят! Я вытягиваю шею в поисках цели впереди! Ни черта не видно! Сплошная мгла. Даже гор впереди не видно! Посматриваю в стороны. Ничего родного не вижу. Горушки, но вроде не те... Или те? Где же мы идём?

— 521й, подход, условия.

— 521й, подход, свободно! Ветер справа под 60, пять метров!

— 521й, понял!

Чёрт! Где же цель?

— 521й на боевом, цель вижу!

Да? А я вот – нет... Не вижу...

РП тоже молчит... И потом, как бы в раздумье:

— 521й... работу разрешил!

Просто разрешил? А почему не сказал в эфир, что нас видишь? Мои сомнения прерывает команда Орлова:

— Сброс!!

Я нажимаю гашетку боевой кнопки на ручке управления, одновременно вижу сход бомб у впереди летящих мигарей. Но! Я не слышал срабатывания замков бомбодержателей у себя на своём истребителе. Ччччёрт! Я же не включил «Тактический»!!! Конечно же, бомбы не сошли! На бороде горят обе зелёные лампочки подвесок! Включать и бросать сейчас уже поздно! Будет огромный перелёт и всё равно оценка «неудовлетворительно»!

Твою мать! Ну всё! Завтра меня на разборе просто скушают!

«Командир звена!» «Плохая подготовка к полёту!» «На тебя должны равняться подчинённые, а ты сам готовиться не можешь!»

Настроение у меня тут же упало ниже высоты моего истребителя! И болтается где-то у самой земли...

И в это время радиообмен, рвущий душу и перепонки в ушах:

— **Куд?!!!!?. Ёёёёбан!!!!!! Куда ты их, плять, сбросил??!!!!!**

Да? Как интересно! И куда же ОНИ их сбросили? Вот так-так!

— Выключить! Группе – уход!

Даже работать парами из пушек не разрешил Арнольд-свет-Константиныч! Значица, дело серьёзно!

Возвращаемся в зловещей тишине. Переходим на стартовый.

«Кажется, завтрак со мной в качестве основного меню отменяется! Кому-то здесь крупно повезло! — думаю я о себе. Затем посмотрел на впереди летящие МиГи, у которых под крыльями не было уже бомб. Глянул в перескоп на своих ведомых — у них на пилонах бомб ни у кого не было тоже. И мысленно добавляю: — А кому-то — нет!»

При заходе на роспуск РП разрешает высоту по заданию. Это означает, что можно чуток похулиганить с высотой!

Но Орлов не снижается, чтобы красиво пройти пониже и картинно распуститься.

Перед лётным домиком стоят полковник Кудряшов со своими замами, они проводили глазами нашу группу над полосой, что прошла без выеб*нов.

Подполковник Смородин задумчиво проговорил:

— Чует моё сердце: у Орлова что-то стряслось...

И тут же на крыльчке появляется старшОй лейтенант Барабанов, лётчик 1й аз:

— Товарищ полковник! Вас к телефону, с полигона подполковник Вишняков!

— Вот сейчас всё и выяснится! — буркнул Кудряшов, заходя в лётный домик.

Через пару минут возвращается. На командире полка лица нет. Его заместители поняли: дело серьёзное. Все стоят, ничего не спрашивают. Кудряшов, прокашлявшись:

— Вишняков доложил... Орлов эскадрильей разбомбили местную тюрьму, что в <пи-пи> километрах от границы полигона! Вишнякову оттуда уже позвонили...

— Вызывают в тюрьму? Так быстро?.. — посмотрел Романов на Смородина.

— Вишнякова или Орлова? — уточняет тогда Смородин.

— Вина Вишнякова тоже на лице: разрешил работу группе, не наблюдая их!

Наверное, обоих! — не считал иронии своих заместителей Кудряшов.

Лётчики достают из карманов комбезов полётные карты.

— Это где? — интересуется зам по лётной майор Романов.

— Здесь! — показывает на своей карте командир полка.

— А это тюрьма? Ударили так далеко?

— Как бы Орлову с подчинёнными после попадания в ту тюрьму не попасть... в ту тюрьму! — тихо проговорил Смородин.

— Сплюнь сейчас же!

— Тьфу-тьфу-тьфу!

— Да не на меня же!

— Командир, тут плюнуть не куда! Слева вы стоите, справа — Романов!

— Поэтому ты выбрал меня?! — возмутился Виталий Иннокентьевич.

— Виноват! В следующий раз выберу Романова!

Потом наклоняется и плюёт перед собой.

— Жертвы есть? — спрашивает зам по лётной, переходя на серьёзный лад.

— Нет! Вроде бы нет...

— Слава тебе, господи! — произносит Смородин. — А то завтра бы уже был бы здесь весь цвет из Министерства обороны и Генштаба!

— Завтра? Они бы уже здесь были через 10 часов! Хорошо, что бомбы на практические заменили! Там только пожар был! Силами охраны и заключённых пожар потушен... Если бы ОФАБаами накрыли!.. Трупы вывозили бы самосвалами! МИД бы с нашего посла штаны снял! Тот бы шифровкой ноту протеста передал в наш МИД. Косыгин бы отодрал Маршала Гречко! А тот бы Кутахова натянул по первое число! Ну и в обратку пошло бы!

Кудряшов обвёл своих заместителей взглядом:

— Что смотрите? Вы бы тоже на своих должностях не остались!

Все помолчали, считая, что так бы всё и было.

— Ну что, пошёл докладывать! И быть может, ещё что-то можно отрегулировать на местном уровне... Нашими силами... Пока они своему правительству не стуканули!..

А мы в это время заходим на посадку и садимся, не зная, насколько ситуация серьёзна.

Заруливаем. Я замечаю, как к моему самолёту, видя, что возвращаюсь с подвесками – единственный самолёт из группы! – бегом несутся оружейники и потянулся инженер эскадрильи майор Паньшин.

Дима Шестаков открывает фонарь кабины и встревожено всматривается в мои зрачки:

— Командир! В чём дело? Бомбы привёз... Отказ? Не сошли? Я оружейникам головы пооткручиваю!

Моему верному технику даже в голову мысль не приходит, что его любимый командир звена мог совершить ошибку в воздухе! Рядом с моим мигарём стоят: группа АВ чуть ли не в полном составе, инженер аэ и с тревогой ждут, что я скажу. **Как я люблю этих людей из ИАС (офицеров, прапорщиков, сержантов, солдат) за их труд, знания, и такое вот ответственное отношение к делу!**

Говорю громко майору Паньшину, начальнику группы АВ старшему лейтенанту Шабалину, ну и Диме, конечно, тоже:

— Всё работает! Ничего не трогайте! Я просто не включал!

Все облегчённо вздыхают и начинают наши МиГи готовить к повторному вылету.

— Что-то случилось? — интересуется Шестаков, устанавливая чеки на катапульту, помогая мне выпутаться из подвесной системы, и снова заглядывая в глаза.

— Да, случилось!.. Потом!..

Ко мне обращается Саша Шабалин:

— Игоревич! А с бомбами-то, что?

Я на ходу оборачиваюсь:

— Скорее всего, на сегодня полётам отбой! Но ждите команду! Пока эти подвески не снимать! Мне они нужны под крыльями!

И ухожу к лётчикам звена.

— Ты, Игоревич, чо? Бомбы не бросал? — интересуется Степаненко.

Откровенничать не хотелось. Поэтому отвечаю вопросом на вопрос:

— Ты цель видел?

— Нет... — отвечает мой старший лётчик. — Я сохранял своё место в строю! А бомбил по команде комэски. — И улыбается: — За точность боевого применения в этом случае несёт ответственность ведущий!

— Ты хочешь сказать, что ведомым ни за что не отвечаешь? Расскажешь это следователям военной прокуратуры! Если что!.. А то, что проскочили КПМ на 29 секунд, видел?

— А мы его проскочили?

Возмущению моему нет предела:

— Я не понял! У нас в звене что, ориентировку в полёте веду только я?

И для значимости останавливаю взгляд на каждом пилоте звена. Лётчики виновато

промолчали.

— Добро! Пошли к нашим!

Тут до Валеры Степаненко доходит:

— Так, что мы имеем в натуре? Внеполигонное бомбометание? Эскадрой?

Фью-фью-фью!

Серёга Алексеевич пошутил, как всегда, не к месту:

— Кажется, в полку намечается грандиозное продвижение по службе!

Глянул на него строго:

— Тебя оно не коснётся: ты тоже к этому безобразию сопричастен!

— А жаль! — сквозь зубы сплюнул в сторону Сергей. — Всё! Теперь бомбить буду только по командиру звена! — и, чтобы не заулыбаться, закусывает нижнюю губу.

Лётчики эскадрильи, отойдя подальше от самолётов (чтобы техники не слушали), окружили Орлова. Комэск опрашивает: кто и что видел? И как мы пролетели?

Замкомэска и нештатный штурман аэ Кузьмин говорит о том, что группа проскочила КПМ. Я киваю:

— Да, на 29 секунд!

— А чего никто не подсказал? — возмутился Орлов.

— Ты же потом взбеленишься! Поэтому я тебе пощёлкал передатчиком! Что, мол, пора! — тихо замечает Кузьмин.

— Я не слышал! — понуро говорит Орлов. — Может, внимания не обратил!

Мы все достаём карты и сверяем маршрут полёта, смотрим, куда могли лечь наши бомбы в том случае, если КПМ протянуть... На 900 километров в час за 29 секунд... Мы пройдем... Смотрю по навигационному расчётчику наколенного планшета... Почти 7,3 километров... Потом разворот... Выходит, в эту точку...

— А это что за постройки?

— Чёрт его знает! Тюрьма, говорят!

— Этого только не хватает!.. Скверно всё выходит!

— В тюрьму попали!..

— Тогда надо уже говорить: попадём! Выражайся точнее!

— Точнее надо бомбить!

— Заткнулись все!.. Лишь бы не убили никого! Просили! Умоляли мы его с Лушниковым и Перевезенцевым, отменить бомбометание с 800! — в сердцах говорит Орлов. — Нет! «Делать, как сказано!»

— Хорошо, что ОФАБ на практику заменили! — проговорил Герасименко. — Хоть какая-то есть надежда, что всё обойдётся!

Я хотел, было, спросить: подавалась ли команда группе на включение «Тактического»? Но вовремя прикусил язычок. Тогда нельзя будет выдать, как говорил великий А.В. Суворов, свою «конфузию» за свою, по выражению того же А.В. Суворова, «викторию»! Я же себе не враг!

Направляемся в сторону лётного домика. Орлов страдальчески стонет в сторону:

— Ещё и тюрьма там! Понастроили тюрем везде! Ну что, в другом месте нельзя было её поставить? Твою мать! Только бы не попали! Только бы промахнулись!

Лётчики сзади между собой:

— Так, мы и промахнулись!

— Имеется в виду в тюрьму, дурак!

— В тюрьму мы, кажется, как раз и попали! Или я что-то не так понял?

— Попадём!

— Нет, пока только попали! Попадём чуть позже!

— Хоссподи! И зачем я только мечтал стать лётчиком!

— Слышь, а ты в своих розовых мечтах детства тюрьмы когда-нибудь бомбил?

— Да пошёл ты! Поеду сегодня прощаться с женой! Ох, как я с ней буду прощаться!

Целую ночь, не смыкая глаз!..

— Я тоже! Четыре раза прощусь по-нормальному и два раза спереди!

— Ну ты, бл*дь, и кобель!

— Да я со своей женой!

— Ну, и глупый же ты, бл*дь, кобель!

— А ты со своей, что? «Целую ночь, не смыкая глаз», так, слегка погавкать?

О, это неунывающее молодое племя!

Юмор я люблю! Мне захотелось тоже отпустить что-то смешное. Но я понимал, что в моём положении как раз шутить-то и нельзя! Пока только лётчики моего звена знают, что я вместе со всеми ту тюрьму не бомбил. Но не позже, чем на разборе, это выяснится. Мою весёлость мне припомнят и расценят, как издевательство над коллективом и насмешки над общей бедой. Поэтому иду возле Орлова с невозмутимым выражением лица и даже не улыбаюсь.

Мою серьёзность комэск расценивает по-своему – как переживание за своё служебное положение молодого командира звена-карьериста, который в полёте не прочувствовал ситуацию и вляпался вместе с эскадрой. И Виктор Георгиевич говорит:

— Ладно, ты, Юра, не переживай за себя! Мне, в крайнем случае, достанется всё равно больше! Ты только сохранял своё место в рое и бомбил со всеми по моей команде!

Настало время расставить точки над «i», ибо потом скажут: почему, коварный, не доложил?

— Да я за себя и не переживаю! Чего мне переживать-то? Я с вами не бомбил!

Наступила тишина! Все даже остановились и эскадра вопрошающе уставилась на меня. Я, который не ожидал такой остановки, по инерции чуть проскочил вперёд и, обернувшись, тоже удивляюсь:

— Вы чего?

Кто-то из заднего ряда:

— Что он сказал?

Замполит Махнёв Михал Иванов, оглянув меня со злостью с ног до головы:

— Он сказал, что все мы – лохи, а он один – белый и пушистый!..

Орлов тоже отказывается верить своим ушам:

— Как? Не... не бомбил?

— Да, Игоревич не бросал! — подтверждает Степаненко. — Вернулся с бомбами!

Вон они висят!

Все одновременно поворачиваются в сторону самолётов, стоящих на ЦЗ, и отыскивают мигарь под номером 22. Под правым крылом моего истребителя отчётливо висела серенькая П-50-75. Значит, под левым было то же самое.

— Фьююю! Ёпс! — так отреагировал замкомэска Кузьмин, что должно было означать: «Какая сволочь! Мы все, выходит, засранцы, а он, умник, всё видел и с нами не бросал!!! Получается, каждый мог эту ошибку предотвратить, но не предотвратил!..»

Орлов медленно бледнеет и начинает задыхаться от негодования:

— Значит, ты!! Ты!!!! Ты знал, что мы идём не там и прицеливаемся не туда... **И**

про-мол-чал?!??? Ты?!??? Подставлял меня?!??? МЕНЯ?!???!

То есть, я хотел сказать, всю эскадрилью?!???!

Я обвёл взглядом стоящих рядом разгневанных лётчиков. Говорить, как было на самом деле, я, разумеется, не собирался! Выглядеть знающим и умеющим интровертом в глазах пилотов полка всё же предпочтительнее, чем представить себя в роли дурака! К тому же каждый из них, особенно Махнёв, в столь серьёзной ситуации с удовольствием бы хотели оказаться на моём месте! Поэтому говорю:

— Нет, однозначно, что целим не в ту степь, я не знал! Но сомневался! Я цели не видел! Понятно? Как видел в первом вылете, когда прицеливался сам! (А вот это было правдой!) Поэтому решил рискнуть своим реноме и не сбрасывать! Пока я раздумывал, что делать с вами, вы уже бомбы уронили! Да и потом... А вдруг я ошибаюсь? И такая мысль у меня была! Что? Сорвать атаку с ходу эскадрильи на ЛТУ, чтобы вы из-за меня получили «неуд» и во всём винили меня? Вы же на разборе потом скажите: всё было отлично, мы шли правильно! Но Ф-в поднял панику и атака отменена! Поэтому эскадра заработала двояк! Получилось бы так: я вас спас от серьёзных неприятностей, но ещё остался бы виноват! Кто-нибудь из вас встанет и скажет, что не было никакого «точного захода с первой атаки», что летели не там, что цель он не видел и сброс был бы не туда?

Лётчики молчали.

— А РП полигона? — спрашивает тут Герасименко. Но как-то неуверенно, видно, что сам не верит в то, что говорит.

Я глянул на Валентина:

— Вишняков подтвердит вашу позицию, потому что иначе сам по загревку получит, что разрешил бомбометание, которое чуть было не привело к внеполигонному удару по гражданскому объекту! И вы все промолчите! Разве нет? Никто не извинится!

— Я извинюсь... После разбора... Поговорили бы... Ты показал бы... — говорит Орлов.

— Да вы бы в эскадрилье даже слушать меня не стали, посчитав это попытками глупо оправдаться! Доказательств ведь нет! И потом! Зачем мне ваши извинения после разбора?! В глазах лётчиков всех эскадрилий, командования полка и дивизии я – дурак, сорвавший эскадре атаку с ходу, заваливший всё полковое ЛТУ! Лейтенант, который не соображает и не достоин своей должности! А вы – хороший лётчик, который зашёл бы как надо, если б не командир 3го звена!.. Вы беспрюирышную позицию себе выбрали, Виктор Георгиевич: вам помогли предотвратить внеполигонное бомбометание, но этого не может быть; вы ударили не с первого захода, но в этом вины вашей нет! И в моих глазах тоже выглядите неплохо – ведь извинился же!.. А что я буду чувствовать, и как выгляжу со стороны, это никого не интересует! Стерпит! Поэтому никто вас в воздухе и не стал предупреждать в голос, что КПМ проскочили! Хотя это заметил, видимо, не только я! Все боятся ответственности и именно такого оборота!

— Я предупреждал, что проскочили КПМ! — глядя на меня исподлобья говорит Олег Кузьмин, наш замкомэска.

— Так предупреждал, что на эти «предупреждения» никто не отреагировал! А что же вы не настояли, не сообщили в слух?..

Я сделал паузу, чтобы получить ответ. Его не последовало!

— Потому что вы тоже не были уверены!

— А что, так получилось лучше? — продолжает Кузьмин – чтобы всё равно

оставить вину на мне.

— Да! Для вас сейчас хуже! А если б я ошибся, хуже было бы для меня! Разве не так? И потом... Вам сейчас полегчает, если в числе сброшенных на тюрьму бомб будут ещё и мои? Нет уж! Каждый выбирает сам! Я свой выбор сделал! Вон он, под крыльями моего МиГа! И причина, почему я сел с бомбами, пусть будет на моей совести! Я мог бы всего этого вам сейчас и не говорить! Просто промолчать! Но я так думаю и вы все знаете, что при другом раскладе всё было бы именно так! **У нас ведь в военной авиации в таких случаях каждый за себя, один бог за всех! И то вряд ли, ибо бога нет! Поэтому каждый совершает ошибку сам и выпутывается сам! Что, нет?**

Кто из вас теперь не хотел бы поменяться со мной местами или, по крайней мере, тоже привезти свои подвески назад? Есть здесь такие, которые, зная, что удар будет по тюрьме, всё равно бы сбросил бомбы? Ну!.. А! То-то и оно! По сему не вам меня обвинять в том, что в этом вылете я не сбросил свои бомбы вместе с вами! Не зависимо от причин, отчего это случилось!..

Вышла неловкая пауза. Однако всё равно взгляды вокруг потеплели. Комэск посмотрел на подчинённых и понял, что из ситуации больше ничего не выжать.

— Ладно! Идём к лётному домику! Пошёл сдаваться полкачу!

Ну и поехали!

Орлов курит сигарету за сигаретой. Кудряшов в коридоре присел у стены тоже нервно курит, хотя курить бросил, как рассказывали, лет пять назад. Во всех эскадрильях командиры звеньев проверяют лётные книжки, полётные листы и тетради подготовки к полётам подчинённых лётчиков, а так же заблаговременную подготовку! Потому как в таких случаях все комиссии документацию трясут основательно! У всего лётного состава! Лётчики тут же оперативно исправляют недостатки, дописывают заблаговременную, пачками переписывают полётные листы, в которых выявлены ошибки или даже просто исправления или там пометки. Большой ценностью становится бутылочка с хлоркой или с Белизной, с помощью которой острой спичкой можно выводить выявленные ошибки в лётной книжке...

Комэск, заметив, что мои лётчики бездельничают, берёт на проверку документацию нашего звена. Но возвращает её без замечаний, т.к. я никогда не подписываю полётные листы с исправлениями (зная это, лётчики сами их тут же переписывают, не дожидаясь, что я, вместо подписи, обведу недоработку, и полётный лист перечеркну, а мою подпись из-за сложности подделать практически невозможно), регулярно проверяю лётные книжки на предмет ошибок и несоответствий и к подготовке остальной документации завёл правило относиться со всей серьёзностью без всех этих пертурбаций. Я приказал своим пилотам сидеть и просто листать свои лётные книжки и полётные листы (может, кто сам недостаток какой обнаружит) – чтобы не нагнетать своим бездельем и без того насыщенный сложностями атмосферу в эскадрилье.

Вскоре на вертолёте примчался командир дивизии генерал Штурбин Вячеслав Иванович с полигона, где он смотрел нашу работу. И получается, что всё случилось у него на глазах, а он не предусмотрел, не запретил, не указал, не принял мер! И вообще, чуть ли не самоустранился!

Посадил нас в большом классе, выслушал доклады и как стал всех пороть! Внеполигонное бомбометание – это не шутка!! Не одного самолёта или двух!! Всей эскадрильи!!! Тем более по гражданским объектам не в нашей стране! Тут выговором не отделаешься! Он, как никто, понимает, что если до Москвы дойдёт – все послетают со

своих должностей! И он – тоже! А на его место желающих, как известно, найдётся прорва!

— Кто принимал решение бомбить с 800 метров? Полк или в эскадрильях? Мммм?

Все молчат... Вообще-то, это без разницы! Даже если решение принималось на уровне комэсок, всё равно оно на ЛТУ утверждается командиром полка!

— Орлов!!

Наш комэск медленно встаёт и ждёт, что, значит, за сие его замедление Виталий Иннокентьевич расставит точки по местам и ему, Орлову, отвечать на сей вопрос комдиву не придётся. Однако Кудряшов не проронил ни слова – как ни тяни время! (В таких случаях уж так заведено в военной авиации – каждый за себя! А посему каждый совершает ошибку сам и выпутываться должен сам!) Орлову тоже не с руки подставлять командира полка!

— Ну, чего молчишь, как рыба подо льдом? — гремит комдив. — Или батарейки сели?

— Я это... Хотел спросить... — не поднимая глаз на генерала, проговорил комэск.

— Ну?!

— Куда мы попали?

— Так, ты, бл*дь... — Штурбин глянул на начальника политотдела дивизии полковника Рыбченко: — Ну, как тут не материться?? Ещё и не знаешь, куда попал? — шея комдива медленно начала покрываться краснотой – верный признак того, что через пару секунд его накроет вспышка неконтролируемого генеральского гнева. — Во время войны за бомбометание по своим расстреливают за капонирами без суда и следствия!

— Я имел в виду: жертвы есть? — мямлит Виктор Георгиевич.

— Жертвы будут! Вот сейчас! В этом классе!.. По тюрьме отработали! Пожар там был! Сиди, Орлов! Уже затушили!

И в эту минуту мой ведомый Серёга Алексеевич наклоняется ко мне и тихо говорит:

— Зато в тюрьме ремонт сделают!

Я ничего не ответил, кивнул и только слегка улыбнулся: мол, хорошая шутка!

Но этого было достаточно, чтобы мой кивок привлёк внимание генерала и он засёк мою идиотскую улыбочку! Зачем пороть майора и полковника (для этого ещё будет место и время!), когда тут есть лейтенант, которого есть за что прилюдно натянуть!

— Ф-в! Вы почему улыбаетесь? Дело серьёзное, а вы здесь смех*ёчки строите?! Да вы знаете, что сейчас будет? Ни на что не посмотрят!.. Так! Ф-в! Вы – командир звена! Цель видели??

И ждёт, значит, что я сейчас скажу, что был только ведомым и сохранял, мол, своё место в строю, а бомбил по команде ведущего! Все лейтенанты в таких случаях так отвечают! Чтобы снять с себя хоть какую-то ответственность!

— Никак нет, товарищ генерал! Цель не видел! — это я даю возможность комдиву заглотнуть крючок с наживкой и немного покричать.

— Нуууу, лИйтИнант! А какое вы имеете право сбрасывать бомбы, бомбить, не видя цели и не опознав её?????? Аааааа?!!!!!! —

И во всё

горло: — Я спрашиваю: пааааачему!!!! нарушаете!! меры!!

безопааааасносссстиииии????????!!!!!!

— Я меры безопасности не нарушал, товарищ генерал! Вон, мои бомбы под крылом висят!! — и, бесстрашно глянув в генеральские очи, показал рукой в окно на стоящие на ЦЗ самолёты.

Штурбин несколько секунд смотрит на меня, оценивая услышанное! Тут до него доходит. Потом сразу вопрошающий взгляд на командира полка – рrrраз!

Полковник Кудряшов медленно так, с приоткрытым ртом и округлыми глазами разворачивается всем корпусом на своего заместителя по ИАС в ожидании того, что тот или подтвердит это утверждение, или уличит лётчика во лжи.

Инженер полка подполковник Ананьев приподнимается с места:

— Так точно, товарищ генерал! Это единственный в группе самолёт... — спрашивает у меня: — Двадцать второй? — Я киваю. — ...который вернулся с бомбами на пилонах!..

И побыстрее плюхнулся на место, пока и его не начали драть.

Генерал (будто обрадовался, что в дивизии, кроме него, нашёлся ещё один соображающий человек!):

— Воооотт!!!! Берите пример! **Всего лишь лЕйтЕнант!** — палец вверх! — **ЛЕЙТЕНННННННТ!!!!!! Только Военный лётчик Зго клааааааасса!!!!!! Молодой командир звенаааааа!!!!!! А соображает!!!!!!**

Вот, кто должен командовать эскадрильей на ЛТУ!! А вы???????? Вы не военные лётчики!! Вы – мокрые курицы!!!!!! Всех классной квалификации лишу!! Всех с должностей снимаю!! Всех поувольняю из армии к... — переводит взгляд на начполитотдела: — ...к чёртовой матери!! Вот только его,

лЕйтЕнанта

, оставлю!!

По классике авиабеллетристики и советского кино вся эскадрилья должна сейчас бурно радоваться, что их товарищ вместе с ними не совершил ошибку, хвалить его и похлопывать по плечу: «Слушай, какой же ты молодец!» В реальной жизни всё обстоит далеко не так! Комэск Орлов, замполит Махнёв и все лётчики, что сидели за столами впереди меня, одновременно и медленно так поворачивают в мою сторону головы и с ненавистью смотрят на меня. Мало того, что этот выскочка становится командиром звена через полгода после прибытия из училища, так тут ещё ЭТО!! Опять всех обставил! А Орлов украдкой, прикрываясь крышкой стола, чтобы не видел генерал, ещё и кулак мне показывает!

Однако этот жест видит сидящий за соседним столом замкомдива-начальник политотдела дивизии полковник Е.В. Рыбченко. И тоже украдкой показывает кулак. Но не мне, а Орлову: только тронь мне такого героического **лЕйтЕнанта!**

Общее настроение в комнате отдыха выразил Валера Степаненко, когда комдив нас выгнал из класса, оставив только командование полка для дальнейшего разбирательства. Мой старший лётчик, лукаво поглядывая на меня и коварно улыбаясь, сказал:

— Везёт же тебе, Игоревич! Вот если б мы всей эскадрой накрыли цель, а ты один привёз бы бомбы назад!.. Ты представляешь, как бы сейчас выглядела вся эта ситуация!?!!

Ну конечно! **Ничто не порадует так коллектив, как неудача преуспевающего их товарища!** Да у нас ведь бывает иной раз даже не коллектив, а так, толпа одиночек!

Обвожу взглядом сидящих на диване и развалившихся в креслах лётчиков эскадрильи. Все ждут моей реакции на эти слова. Ожидают, что я, значица, поддакну им, сейчас тоже захихикаю, себя буду чувствовать виновным перед ними, заискивать с

коллективом, себя уничивать!

— Размечтался! Не дождётесь, обормоты! — И наставительно добавляю: — К полётам лучше готовиться надо!

И, встряхнув свежим номером «Авиации и космонавтики», впляиваюсь взглядом в красивое фото на страницах журнала.

Да я никогда не был человеком толпы! Если бы вы знали, до какой степени мне ваше мнение обо мне по боку, вы бы все разрыдались!

Тогда я для себя сделал выводы: Первое. Напряжённая обстановка в полёте, поиск цели не должны ослабевать внимание за своими действиями с вооружением истребителя! И второе. Новые виды боевого применения надо опробовать не на ЛТУ, а в повседневных полётах при идеальных условиях! Идеальных!! А не с болтанкой $\pm 7^\circ$! Я потом подсчитал: при полёте на скорости 900 км/ч и высоте 800 метров ошибка в закрытии цели капотом моего МиГа на 1° даёт отклонение бомбы ± 1420 метров! А если ты не заметил, что истребитель в момент прицеливания всколыхнуло с углом атаки $+7^\circ$? Вот и считайте! Да наши капельки тогда даже близко к цели не лягут! Это будет больше 5 ВО (вероятных отклонений)!! Да разве можно такими вещами манипулировать в боевом применении с боевыми бомбами!?.

...Вы представить себе не можете, сколько чистого авиационного спирта мы переправили в тот месяц в ту местную тюрьму!

Зато дальше дивизии дело не двинулось.

Был разгромный приказ по соединению о наказании всех причастных к той опасной предпосылке к лётному происшествию!..

А меня по настоянию Евгения Владимировича Рыбченко наградили тогда ценным подарком! (*«За снайперское нанесение ударов и уничтожение назначенных целей с первой атаки в ходе ЛТУ полка»*). Тогда мне действительно повезло! Если бы Орлов и Вишняков не допустили ошибку, никто бы и не вспомнил, как удачно наше звено отыскало и ударило по своим целям в первом вылете...

М-да... «Счастье вдруг в тишине... Неужель ты ко мне верю и не верю...»

А в горизонте с 800 метров потом мы ни разу не бомбили! Майор Романов выдвинул предложение отработать бомбометание по логарифмической кривой! Рассказал. Показал. Провезли всех. Попробовали. Всем понравилось. Прелесть этого метода состоит в том, что цель видишь до самого сброса бомб, т.е. можно уничтожать и стационарные, и подвижные объекты, учитывать ветер, но что существенно – не зависишь от истинной высоты. Другими словами, можно бомбить в любом районе, не зная, какая высота местности под тобой и ветерок: ведь противник тебе не станет сообщать это! Плюс высота постоянно меняется, что обязательно скажется на снижении вероятности нашего поражения от зенитчиков врага. А главное резко возросла точность! Мы средний балл боевого применения довели до 4,99! И днём, и ночью по целям, освещённым на земле! Даже в отчётах навёрх занижали, ставили 4,75. («Иначе Командующий не поверит!») Командующий и этому не поверил! Прилетел с Отделом Боевой подготовки, устроил нам ночное ЛТУ. Мы ему выдали среднюю оценку 5,00! Генерал Корочкин приказал в отчёте в ГШ ВВС указать средний балл 4,2! («Иначе Главком не поверит, пришлёт своих инспекторов! А на хрена они здесь нужны?!»). Так что, потом мы себя реабилитировали! Этот метод я потом привёз в полк ЛенВО...